

НАГИБ МАХФУЗ

Дети нашей
улицы

Москва

УДК 821.411.21-31
ББК 84(6Еги)-44
М36

© 1947 by Naguib Mahfouz

First published in 1947 in Arabic as *Awlad haratina*

Protected under the Berne Convention

Translated by arrangement with The American University in Cairo Press

Первое издание перевода было осуществлено
«Центром гуманитарного сотрудничества» в 2012 году

Перевод с арабского *Виктории Зарытовской*

Художественное оформление серии *Натальи Портяной*

Махфуз, Нагиб.

М36 Дети нашей улицы / Нагиб Махфуз ; [перевод с арабского В. Зарытовской]. — Москва : Эксмо, 2026. — 512 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-230042-4

Нагиб Махфуз (1911—2006) — египетский писатель, единственный лауреат Нобелевской премии по литературе арабского происхождения.

«Дети нашей улицы» — роман-притча о возникновении трех религий, построенный как сборник преданий одной из улиц Каира.

В пустыне, у подножия Аль-Мукаттама стоит Большой Дом с фонтаном и садом из тутовника и пальм, оплетенных жасмином. Там живет аль-Габальяуи — загадочный хозяин, от которого, как верят жители, ведет начало вся улица. Из поколения в поколение здесь повторяются одни и те же надежды и беды, борьба за справедливость, попытки преодолеть страх и унижение. Но помнит ли кто-нибудь, как все начиналось? Найдется ли человек, который положит конец кровавой вражде?

Загляните в кварталы, где в кофейнях под звуки ребаба слушают поэтов, воспевающих славные подвиги, пьют чай и курят кальяны, где снуют уличные торговцы, жадные надсмотрщики собирают дань, а заклинатели змей творят настоящие чудеса.

УДК 821.411.21-31
ББК 84(6Еги)-44

© Зарытовская В., перевод на русский язык, 2012
© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-230042-4

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед вами история нашей улицы, а точнее, ее предания. Я был свидетелем не всех событий, а только той их части, что пришлась на мой век. Я сложил воедино все, что рассказывали, а рассказчиков было не счесть. Каждый на нашей улице пересказывает эти сюжеты либо как услышал их в кофейне рядом с домом, либо как сами истории дошли до него через поколения, но других источников, кроме этих, у меня не было. А сколько находится причин, чтобы повторять эти предания! Когда у кого-то тяжело на сердце, когда кто-то страдает от притеснений и унижения, он указывает на Большой Дом в начале улицы со стороны пустыни и с болью произносит: «Это дом нашего предка. Все мы от плоти его. Мы его законные наследники. Почему же нам суждено страдать от голода и обид?» Затем он начинает рассказывать по памяти о жизни Адхама, Габаля, Рифаа, Касема и других славных сыновей нашей улицы.

Дед наш — та еще загадка! Он прожил дольше, чем мог желать или представить себе человек, и благодаря своему долголетию стал притчей во языцех. Уже давно состарившись, он уединился в своих покоях, и с тех пор его никто не видел. Возраст деда и его затворничество будоражат умы, но здесь наверняка не обошлось без фантазий и кривотолков. Как бы там ни было, зовут его аль-Габаляуи, и наша улица носит его

имя. Он хозяин этой земли, каждого кустика на ней и всех прилегающих пустынных наделов, сдаваемых в аренду. Однажды я слышал, как кто-то говорил о нем: «От него пошла наша улица, а от нашей улицы Египет — Мать мира. Он жил здесь один, когда еще на этом месте была голая пустыня. Затем он завладел ею силой, воспользовавшись расположением тогдашнего наместника. Редко рождается человек такой мощи и характера, что звери дрожат от страха при одном упоминании его имени». Другой рассказывал: «Он был и правда крут. Но не как остальные. Никогда не брал дань силой, не хвалился своим именем, был милостив к слабым». По прошествии времени нашлись и те, кто отзывался о нем плохо, несмотря на его положение и могущество. Но так уж устроен мир!

Сегодня, как и раньше, я вижу, что рассказ о нем вызывает живой интерес. Это не раз заставляло меня прогуливаться вокруг Большого Дома в надежде удостоиться взгляда деда, но напрасно. А сколько раз я стоял перед огромной дверью, над которой висело чучело крокодила! Как часто я сидел в пустыне аль-Мукаттам вблизи глухой стены, окружавшей Дом, но увидеть я смог только верхушки тутовника, смоковниц и пальм, растущих вокруг Дома, да закрытые окна, за которыми не было признаков жизни. Разве это не трагедия и для него, и для нас — иметь такого деда и не видеться с ним? Не странно ли, что он скрывается в просторном особняке, а мы живем на помойке? Если вы спросите, как он, да и мы, дошли до такой жизни, то непременно услышите истории, в которых встречаются имена Адхама, Габалья, Рифаа и Касема, но в ответ не получите ничего вразумительного. Как я уже сказал, с тех пор как он заперся в доме, его никто не видел. Но этот факт никого не волновал, больше интересовались его имуществом и пресловутыми десятью условиями его завещания. С момента основания нашей улицы начались распри, которые накалялись с каждым поколением вплоть до

сегодняшнего дня, а завтра станет еще хуже. Поэтому упоминание о родстве, связывающем жителей улицы, вызывает лишь горькую усмешку. Однако по сей день мы остаемся одной семьей, в которую чужому не войти. Каждый из нас знает всех мужчин и женщин улицы. И несмотря на это, такой яростной вражды нет ни в каком другом месте. Никакие разногласия не разъединяют людей так, как наши. А любое доброе начинание встречает сопротивление десятка бандитов, размахивающих дубинками и готовых броситься в драку. Так что народ привык покупать себе спокойствие деньгами, а безопасность заслуживать подчинением и покорностью. За малейшую провинность на словах или в поступках или даже за подобную мысль, отразившуюся на лице, нас настигает суровое наказание. И самое удивительное, что люди в ближайших от нас кварталах, таких как аль-Атуф, Кафар аль-Загари, аль-Дарраса, аль-Хусейния, завидуют нашим владениям и нашим суровым мужчинам. «Вот счастливы! — говорят они. — У них и земли богатые, и мужчины богатыри». Все это верно. Только им неведомо, что мы стали нищими, как попрошайки, живем на помойках среди мух и вшей, довольствуемся крохами и ходим в рвань. Они видят, как наши мужчины бьют себя в грудь с гордостью, и это вызывает у них восхищение, но они забывают, что когда мужчины так поступают, нам ничего не остается, как подойти к Большому Дому и произнести сквозь боль и печаль: «Здесь живет аль-Габалауи, владелец земли. Он наш дед, а мы его внуки».

Я стал свидетелем последних лет жизни нашей улицы. На моих глазах произошли события, виновником которых стал любимый сын улицы Арафа. Заслуга того, что я смог изложить на бумаге историю улицы, принадлежит одному из его приятелей, который однажды обратился ко мне: «Ты один из немногих, кто умеет писать. Почему бы тебе не записать предания нашей улицы?.. Их рассказывают беспорядочно и каждый на свой лад, в зависимости от пристрастий. Будет

полезнее, если ты соберешь их в одно целое. Так будет интереснее. А я расскажу тебе все новости и тайны, которых ты еще не знаешь». И я приступил к выполнению этой задачи, с одной стороны, убежденный в значительности нашей истории, а с другой — исполненный любви к тем, кто ее творил. Я был первым на нашей улице, кто превратил писательство в ремесло, вопреки всем насмешкам и презрению, которые оно навлекало на меня. Моей обязанностью было записывать петиции и жалобы нуждающихся и обиженных. Но несмотря на многочисленность просителей нашей улицы, потоком приходявших ко мне, моя работа не сделала меня выше этих нищих. Зато я узнал столько людских тайн и печалей, что они сдавливают мне грудь и болью отдаются в сердце. Однако стоп! Я пишу не о себе и не о своих бедах, которые ничто по сравнению с трагедиями улицы. Наша удивительная улица с ее невероятными событиями. Как она создавалась? Что здесь происходило? И кто они, сыновья нашей улицы?

АДХАМ

1

Место, где пролегла улица, было пустошью, продолжением пустыни, которая брала начало у подножия аль-Мукаттама и уходила за горизонт. Здесь не было ничего, кроме Большого Дома, воздвигнутого аль-Габаляуи будто для того, чтобы бросить вызов страху, одиночеству и бандита́м. Высокая толстая стена дома огораживала большой надел земли, в западной части которого был разбит сад, а в восточной построен трехэтажный дом. И вот однажды владелец всего этого пригласил своих сыновей в нижний зал, откуда открывался выход в сад. Все его дети — Идрис, Аббас, Радван, Джалиль и Адхам — пришли в шелковых га-лабях¹ и встали перед ним, не смея из почтения взглянуть на него, разве что украдкой. Он приказал им сесть, и они опустились вокруг него. Отец быстро бросил на них острый, как у орла, взгляд, затем встал и направился в сторону сада. На пороге у громадной двери он застыл и вгляделся куда-то вглубь, где густо росли деревья тутовника, смоковницы и пальмы, обвитые лавсонией² и жасмином, а в их ветвях

¹ Г а л а б е я — традиционное египетское платье.

² Л а в с о н и я — небольшое дерево или кустарник, из листьев которого получают хну.

чирикали птицы. Сад гудел, наполненный пением, в то время как в зале зависла тишина. Братьям даже почудилось, что владелец забыл про них. Исполинского роста, с широкими плечами, он казался сверхчеловеком, спустившимся с другой планеты. Они вопрошающе переглянулись. Он был хозяином положения, и им не давало покоя, что они были ничто по сравнению с ним, с его властью на этой части земли. Он обернулся к ним, не сходя с места, и произнес уверенным глубоким голосом, отдавшимся эхом в углах зала со шторами и коврами на высоких стенах:

— Я думаю, будет лучше, если кто-то станет вести дела вместо меня...

Он еще раз взгляделся в их лица. Но они ничего не выражали. Управление имуществом не прельщало его сыновей, любивших пустое времяпрепровождение. И потом, ведь Идрис, старший сын, — первый кандидат на наследство. Поэтому никто из них не удивлялся происходящему. Идрис же про себя подумал: «Только этого не хватало! Бесконечные заботы и эти назойливые арендаторы!»

Аль-Габаляуи продолжал:

— Свой выбор я остановил на вашем брате Адхаме. Под моим надзором он будет управлять имуществом...

От неожиданности на лицах появилась растерянность. Братья мгновенно обменялись встревоженными взглядами. Только стеснительный Адхам смущенно опустил глаза. Аль-Габаляуи повернулся к ним спиной и беспристрастно закончил:

— Вот зачем я вас пригласил...

Идриса охватила ярость, казалось, он опьянел от возмущения. Братья недоуменно смотрели на него. Каждого из них, кроме Адхама, естественно, одолевала злоба за ущемленную честь. Это был молчаливый протест против того, что обошли Идриса, а также их самих. Что касается Идриса, то он произнес спокойным, но будто не своим голосом:

— Но, отец...

Аль-Габалаяуи резко прервал его, развернувшись в их сторону:

— Что «но»?!

И все потупили взгляды, опасаясь, что он прочитает что-то в их глазах. Идрис же проявил характер.

— Я же старший...

— Мне ли не знать этого, ведь я породил тебя! — ответил аль-Габалаяуи с сарказмом.

И тут Идрис потерял самообладание:

— Все права у старшего сына! Только я сам могу отказаться...

Отец долго и пристально смотрел на него, словно предоставляя шанс одуматься, потом сказал:

— Уверяю вас, что, делая выбор, я соблюдал интересы всех...

Идрис получил пощечину, переполнившую чашу его терпения. Он знал, что отец не приемлет возражений и что, если он будет упорствовать, то получит еще более резкий отказ. Однако ярость мешала ему думать о последствиях, и он набросился на Адхама. Приблизившись к брату, Идрис напыжился как индюк, демонстрируя всем разницу в сложении, цвете кожи и статности между ними. Он не сдержался, как невозможно было бы жаждущему сдержать текущую слюну:

— Я и мои братья — мы дети уважаемой женщины, а этот — да он же от черной рабыни...

Изменившись в лице, Адхам не шелохнулся. Аль-Габалаяуи взмахнул руками и угрожающе произнес:

— Имей уважение, Идрис!

Однако Идриса уже охватила буря эмоций, в том числе безумный гнев, он кричал:

— Он к тому же младше нас! В чем причина?! Почему не я?! Или пришли времена слуг и рабов?!

— Прикуси язык или пеняй на себя!

— Лучше лишиться головы, чем сносить такой позор!

Радван поднял голову и сказал отцу с мягкой улыбкой:

— Мы все твои дети. И мы вправе огорчаться, если видим, что ты нами недоволен. Ты господин, все в твоих руках... Но мы по крайней мере имеем право знать.

Едва сдерживая гнев, аль-Габаляуи повернулся от Идриса к Радвану:

— Адхаму знакомы нравы арендаторов, многих из них он помнит по именам, и потом, он умеет писать и считать.

Идрис, так же как и остальные братья, растерялся от слов отца. С каких это пор знакомство со всяким сбродом считается достоинством и влияет на предпочтение одного человека другому? И при чем тут начальная школа?! Разве мать Адхама послала бы его учиться, если бы не отчаялась в том, что ее сын сможет преуспеть в мире сильных? Идрис спросил, насупившись:

— Этого недостаточно, чтобы объяснить, почему ты хочешь меня унижить!

— Такова моя воля! — ответил аль-Габаляуи раздраженно. — А ты должен лишь выслушать и подчиниться!

— Что скажете? — резко обратился он к братьям с вопросом.

Аббас не выдержал взгляда отца и, бледнея, произнес:

— Слушаюсь и повинуюсь!

Джалиль тут же опустил глаза со словами:

— Как прикажешь, отец.

— Будет как скажешь, — ответил Радван, сглотнув слюну.

На это Идрис злобно расхохотался, черты его исказились настолько, что лицо стало уродливым, и он закричал:

— Труссы! Ничего другого от вас и не ждал, только унижительного поражения. Из-за вашей слабости вами будет командовать сын черной рабыни.

Аль-Габальяуи нахмурился, глаза гневно сверкали:

— Идрис!

Однако злоба лишила того остатков разума.

— Какой же ты отец?! Всевышний сотворил тебя сильным и дерзким. И ты ничего не хочешь признавать, кроме своей силы и власти. С нами, родными детьми, ты поступаешь, как со своими многочисленными жертвами.

Аль-Габальяуи сделал в его сторону два медленных шага и произнес низким голосом, при этом от негодования лоб его покрылся морщинами:

— Попридержи язык!

Однако Идрис не унимался:

— Я не боюсь! Ты знаешь, я не из пугливых. Если ты решил поставить сына рабыни выше меня, не буду слушаться, не покорюсь!

— Ты понимаешь, что последует за этим неповиновением, ничтожный?!

— Сын рабыни — вот кто истинно ничтожен.

Отец, срывая голос, прохрипел:

— Она моя жена, негодяй! Имей уважение, или я от тебя мокрого места не оставлю!

Братья, и в первую очередь Адхам, зная жесткость отца, пришли в ужас. Но Идрис уже настолько не помнил себя от злобы, что не чувствовал опасности и как безумный бросался на огонь.

— Ненавидишь меня?! — орал он. — Вот не думал! Ты ненавидишь меня без зазрения совести. Может, это рабыня настроила тебя против нас? Господин пустыни, владелец имения, грозный богатырь! А рабыня смогла вертеть тобой. Уже завтра о тебе будут сплетничать люди, властелин округи!

— Сказал же тебе, держи язык за зубами, негодяй!

— Не унижай меня из-за Адхама! Как только земля тебя носит?! Ты будешь проклят! Твой выбор сделает нас всеобщим посмешищем.

— Долой с глаз моих! — закричал аль-Габалаяуи так, что было слышно и в саду, и в гареме.

— Это мой дом. Здесь моя мать. Она полноправная хозяйка здесь.

— Тебя здесь больше не увидят. Никогда!

Лицо аль-Габалаяуи помрачнело, как чернеет Нил в пик разлива. Сжав огромные кулаки, он глыбой двинулся на сына. В это мгновение всем стало ясно, что Идрису пришел конец и что это будет еще одна трагедия, молчаливым свидетелем которых стал этот дом. Сколько раз лишь одно слово здесь превращало беспечную госпожу в несчастную бродяжку! А сколько мужчин, прослужив долгие годы, покидали этот дом, еле держась на ногах, со следами ударов кнута, концы которого утяжелял свинец, с текущей по спине и из носа кровью. Когда хозяин дома благодушен, каждый обласкан им, но как он страшен в ярости! Поэтому все поняли, что Идрис пропал. Хотя он был первенцем аль-Габалаяуи и ровней отцу по силе и стати, ему было несдобровать. Аль-Габалаяуи подошел ближе со словами:

— Ты мне не сын, я тебе не отец, и это не твой дом! Нет у тебя больше здесь ни матери, ни братьев, ни слуг. Вот перед тобой порог. Иди! Пусть тебя везде преследуют мой гнев и мое проклятье! Жизнь проучит тебя. Посмотрим, как ты проживешь без участия отца и его покровительства!

Идрис топнул ногой по персидскому ковру и завопил:

— Это мой дом! Я отсюда — никуда!

Не успел он и глазом моргнуть, как отец схватил его, словно клещами, и стал выталкивать вон. Идрис отступал, сопротивляясь. Они переступили через порог в сад, спустились по лестнице. Идрис спотыкался. Отец протащил его по дорожке, обсаженной кустами роз и лавсонии с жасмином, до главных ворот, вышвырнул наружу и грохнул засовом. Аль-Габалаяуи крикнул так громко, чтобы каждый в доме слышал:

— Смерть тому, кто впустит его или поможет! — он повернул голову к зашторенным окнам гарема: — Разведусь с той, которая на это осмелится!

2

С того трагичного дня Адхам каждое утро отправлялся в контору, находившуюся в гостиной справа от входа в дом. Он старательно собирал плату за аренду, распределял доходы между претендентами и предоставлял счета отцу. В обращении с клиентами он проявлял любезность и дипломатичность. И те были довольны им, какими бы неприятными и грубыми людьми ни были. Условия наследования оставались тайной, кроме отца о них никто не знал. Поэтому выбор Адхама в качестве управляющего посеял страх, что это было началом его вступления в права наследства. По правде говоря, до этого дня отец одинаково относился ко всем своим детям. Благодаря его великодушию и справедливости братья жили в согласии друг с другом. Даже Идрис, несмотря на силу, красоту и ветреность, оставался доброжелательным ко всем своим братьям. Он был щедр, ласков в обхождении, приветлив и вызывал лишь восхищение. И хотя четверка братьев наверняка ощущала разницу между собой и Адхамом, они не выказывали это ни словом, ни жестом, ни поступком. Возможно, Адхам не меньше их понимал эти различия, сравнивая светлый оттенок их кожи со своей смуглостью, их крепкое сложение со своей хрупкостью, высокомерие их матери с безропотностью собственной. Скорее всего, глубоко в душе он страдал и мучился, однако дом, наполненный ароматом душистого базилика, подчиняющийся силе и мудрости отца, не давал укорениться злу в его душе, и он рос с открытым сердцем.

Отправляясь в контору, Адхам сказал матери:

— Благослови, мама! Возложенное на меня дело — трудное испытание для нас обоих.

— Пусть тебе сопутствует удача, сынок! — ответила мать. — Ты хороший мальчик, а такие достойны награды.

Под пристальными взглядами, устремленными на него из зала, сада и из окон, Адхам прошел в гостиную, сел в кресло управляющего и приступил к работе, которая считалась самой опасной в этой пустынной местности между аль-Мукаттамом и Старым Каиром. Он избрал своим девизом честность и стал первым, кто регистрировал в журнале каждый грош. Адхам вручал братьям их долю с таким уважением, что те забывали затаенную обиду, затем со всеми оставшимися доходами он направлялся к отцу. Однажды отец спросил его:

— Как тебе твои новые обязанности, Адхам?

— Поскольку работа поручена мне, я считаю ее своим долгом, — ответил Адхам с почтением.

Лицо отца просияло. Хотя он и отличался суровым нравом, слова лести были ему приятны. Адхам любил сидеть напротив него, бросая украдкой взгляды, полные восхищения и любви. А как ему нравилось слушать, когда отец рассказывал им с братьями о делах давно минувших дней и приключениях своей отчаянной молодости, когда он ходил по округе, устрашающе размахивая дубинкой, завоевывая так каждую пядь, на которую ступала его нога!

После изгнания Идриса Аббас, Радван и Джалиль по-прежнему собирались на крыше дома, ели, пили и резались в азартные игры. Адхаму же по душе было только сидеть в саду. Он давно полюбил проводить время здесь за игрой на свирели. И это вошло у него в привычку, как только он взял на себя обязанности управляющего, хотя уже и не распоряжался своим временем. Как только он заканчивал дела, расстилал у ручья коврик, прислонился спиной к пальме или смоковнице либо устраивался под ку-

стом жасмина и прислушивался к пению птичек, которых здесь было множество, порой наблюдал за голубями. Как красивы они были! Он прикасался к инструменту и подражал их щебетанию, воркованию и переливам. И у него получалось! Иногда устремлял взгляд сквозь ветви к прекрасному небу. Как раз в такой момент мимо него прошел Радван. Брат уставился на него и усмехнулся:

— Это так ты управляешь имением?

— Передать бы твои слова отцу, только не хочется его расстраивать, — ответил Адхам, улыбаясь.

— Слава Всевышнему, что у нас полно свободного времени!

— На здоровье!

— А не хочешь снова стать как мы? — прикрыл раздражение улыбкой Радван.

— Нет ничего прекраснее жизни в саду под звуки свирели!

— А Идрис хотел работать! — желчно сказал Радван.

Адхам отвел взгляд.

— У Идриса не было времени для работы. Он вспылил по другой причине. Настоящее счастье найдешь только здесь, в саду.

После ухода Радвана Адхам подумал: «Сад, его щебе-чушие обитатели, вода, небо и я, опьяненный, — вот в чем истинное существование. Но все же я как будто ищу чего-то еще. Чего именно? Кажется, свирель вот-вот наиграет ответ. Но вопрос остается без ответа. Если бы эта птица могла заговорить человеческим языком, я бы воочию узрел собственное сердце. И яркие звезды тоже что-то нашепты-вают. А что касается сбора аренды, то это только вносит разлад в общую мелодию».

Однажды Адхам остановился, разглядывая собственную тень на дорожке среди розовых кустов. Вдруг он заметил, как из его тени вырастает другая, предупреждая, что